

Содержание:

Image not found or type unknown



Введение

Проблема взаимосвязи языка и культуры плохо изучена и игнорируется исследователями. В частности культурно-историческая обусловленность, которая отличает теоретический образ языка, в ту или иную эпоху. Это проявляется в двух аспектах. Во первых – лингвистические идеи и концепции отражают то состояние языкового контекста, в который погружены их создатели, как члены определенного социума. Во вторых, осмысливая сущность языка теоретики зависят от предыдущей традиции и современного идейного контекста. При всем этом преобразуя этот контекст и традицию.



В эпоху средневековья понятие слова формируется в религиозных учениях. Для средневековых ученых слово воспринималось как символ, знак который служит проводником к значению священных текстов и указывать на реалии духовной жизни. Христианская семиотика создала большую проблему в понимании откровения, из-за своей многозначности интерпретации символов и знаков. Люди терялись во множестве значений и смыслов, что приводило к необходимости посредничества Церкви и ее ученых. Слова как часть языка, утрачивали внутренней определенности и растворялись в тумане метафор, в контексте Священного Писания, а язык мог сиюминутно изменяться. Все это требовало решения и установления того, как написанное, материальное, согласуется с тем, что не выражено словами в тексте.

Августин Аврелий (354-430 гг.) является первым христианским философом, который создал семиотическое учение, в котором значимое место отводится языку. Трудно переоценить влияние на последующую мысль европейского Средневековья по силе его идей и концепций. Главным аспектом идей, лежащий в основе его

философии, является синтезом христианских и платонических концепций.

У Августина фигурирует два источника познания, направленных к одной цели – истине. Первый – это вера, питаемая авторитетом, которым философ утверждал Христа и учение Церкви. Что, как он считает, открывает человеку экзистенциально-личностный аспект истины. Второй – это разум, или та же истина, живущая в его недрах. Из чего и происходит возможность интеллектуального познания реальности, при помощи философской доктрины платонизма, выправленной христианством. Еще в одном из первых трактатов Аврелий пишет: « Для меня решено одно: что я никогда не уклонюсь от авторитета Христова, ибо не нахожу более сильного. Что же касается исследований чистого разума, то желая уразуметь что-либо истинное не только верой, но и пониманием, убежден, что найду это платоников между тем, что не противоречит нашей религии»

Изменение представлений о знаке в средние века

Первое, что собирался предпринять Августин – это подробно рассмотреть языковые формы, для того что бы преодолеть различия между словами и их пониманием, избавиться от неограниченного истолкования слова, чем устранить от произвольных истолкований текста Откровения.

Августин рассуждает: «существует три рода предметов, в которых обнаруживается объективно-разумное. Во-первых – в действиях, направленных к какой-либо цели, во-вторых – в словах, в-третьих – в удовольствиях».

Августин считал первоисточником всех различий в понимании слова невозможность увидеть внутреннюю форму языка, которая свойственна имени. Он утверждает, что внутренняя форма, использует звуковую и начертательную форму для обозначения вещей и выражения предметного содержания. А внутренняя форма предмета – это смысл предмета в реальности языкового бытия.

Подтверждая свои слова приводит в пример красоту стихов Вергилия: «...мы хвалим их звучание за одно, а их смысл – за совсем иное; и не в одном и том же смысле говорим: разумно звучит и разумно сказано».

Из этого следует, что понятие о форме слова у него выходит за пределы словообразования, так как в его концепции имеется в виду применение логических категорий и взаимосвязей: « всякая вещь, которая имеет форму (formata), но и всякая вещь, способная к принятию формы (formabilis). Оформленное (formatum)

отличается от того, что способно принять форму (formabile) тем, что что оформленное уже приняло форму, а способное к принятию формы еще только может получить ее».



По этому постичь смысл слова можно лишь поняв его внешнюю форму, знак, который Августин называет «звуковым символом». Из-за чего человеческий разум и создал письменную речь, обозначив все звуки. Но сделать этого он не смог, если бы множество вещей были безграничным. Августин считает, что даже если в процессе познания разум человека предпримет исключить «всякий остаток формы» и представить что то бесформенное, ему это не удастся. Он считает что в том что не имеет формы невозможно ничего воспринять и осмыслить. Из-за чего Августин считает верным идти от знака к истине, позволяющей многозначное выражение и подразумевающей «разнообразии правильных мыслей», к балансу в итоге их может привести только Бог.

Спецификой изучения откровения является внимание к самому тексту, в таком подходе смысл понимания не может быть заключен лишь в смысле писавшего или читающего со своим истолкованием, а в направленности поиска истины, просматривающимся в Откровении.

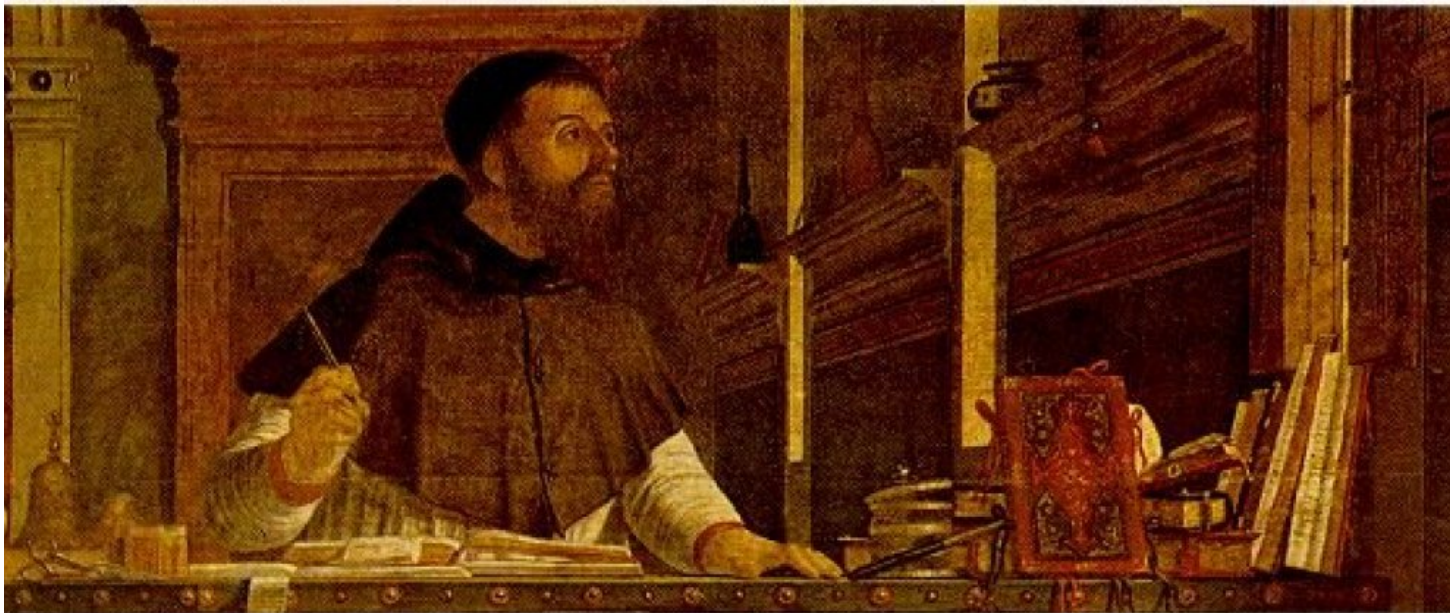


Прежде всего Августин задается вопросом: каким принципам следовал бы он, чтобы передать речь Бога? И отвечает на него: «Если бы я писал книгу высшей непреложности, я предпочел бы написать ее так, чтобы каждый нашел в словах моих отзвук той истины, которая ему доступна; я не вложил бы в них единой, отчетливой мысли, исключающей все другие, ошибочность которых меня не могла бы смутить». Из этого следует, что сущность понимания заключена в том, чтобы в многогранности и многомысленности истины уловить единственное верное знание. И это означает, что процесс восприятия текста направлен на личность, которая изначально предопределена Богом, Августин говорить о том, что «понимать ум должен в той мере, в которой он может приблизится и приобщиться к неизменной истине».



При этом Августин признает возможность того что познающий может отклониться от догматических вероопределений и вероятность заблуждения и признает необходимость создания способов контроля, при которых без внешнего вмешательства мысль человека самостоятельно будет возвращаться к истине. Понимая всю сложность задачи он задается вопросом: в какой сфере искать неизменный смысл, не меняющийся на всех уровнях познания и лежащий в знаковом выражении, во множестве вероятных способов интерпретации текста? Он пишет: «... достаточно ли от видимого древнего относить ее к видимому же но более новому, или к природе и движениям души, или же к неизменной вечности; имеют ли один из них значение действий видимых, другие – душевных движений, третьи – закона вечности, или же есть некоторые и такие, в которых следует искать все это одновременно? Какая вера тверда – историческая ли и временная, или духовная и вечная, - к которой должно быть направлено всякое истолкование авторитета? Что способствует пониманию и достижению вечного, в котором заключается цель всех добрых действий и достоверность временных предметов?

Какое различие между аллегорией исторической, фактической, аллегорией речи или аллегорией таинства? Как следует понимать саму речь Божественных писаний согласно особенностям, свойственным каждому языку? Ибо каждый язык имеет некоторые свои собственные обороты, будучи переведены на другой язык, являются нелепыми».



Августин понимал возможные обвинения в недостаточности аллегорического способа объяснения Писаний, поэтому нередко обращался к метафоре, которая не может сильно изменить текст, но может при этом усилить емкость и облачить даже самые абстрактные понятия в живые формы, придавая речи отчетливость. Также он предлагает использовать тропы, которые помогают истолковывать двусмысленности, попадающиеся в Откровении.

Так, все что входило в раздел риторики, направленной на решение исключительно практических задач, продиктованных жизненными обстоятельствами, и могли помочь преодолению непроясненности священного писания, являя перед христианским философом и проповедником, возможность для объяснения метафизических вопросов, и помогая выразить этическую сторону христианства и переживания личного духовного опыта. В конечном счете риторика Августина становится теологией.

Он пытается объяснить красноречие Откровения средствами античной риторики и диалектики, которые он считает действенными способами прояснения фрагментов за пределами мышления человека, Августин создает искусство понимания сакральных текстов. Он утверждает: что оказалось непонятым в одном фрагменте,

будет выражено в следующем месте, так как корпус Священного Писания он понимает как последовательное целостное изложение вероучительных истин. Отчего Августин приходит к выводу о том, что более эффективным является не сравнение Ветхого и Нового Заветов или различных переводов, но сравнение смыслов, предполагаемых авторами Писаний или переводчиками, что по мысли философа, и является гарантией верного понимания.

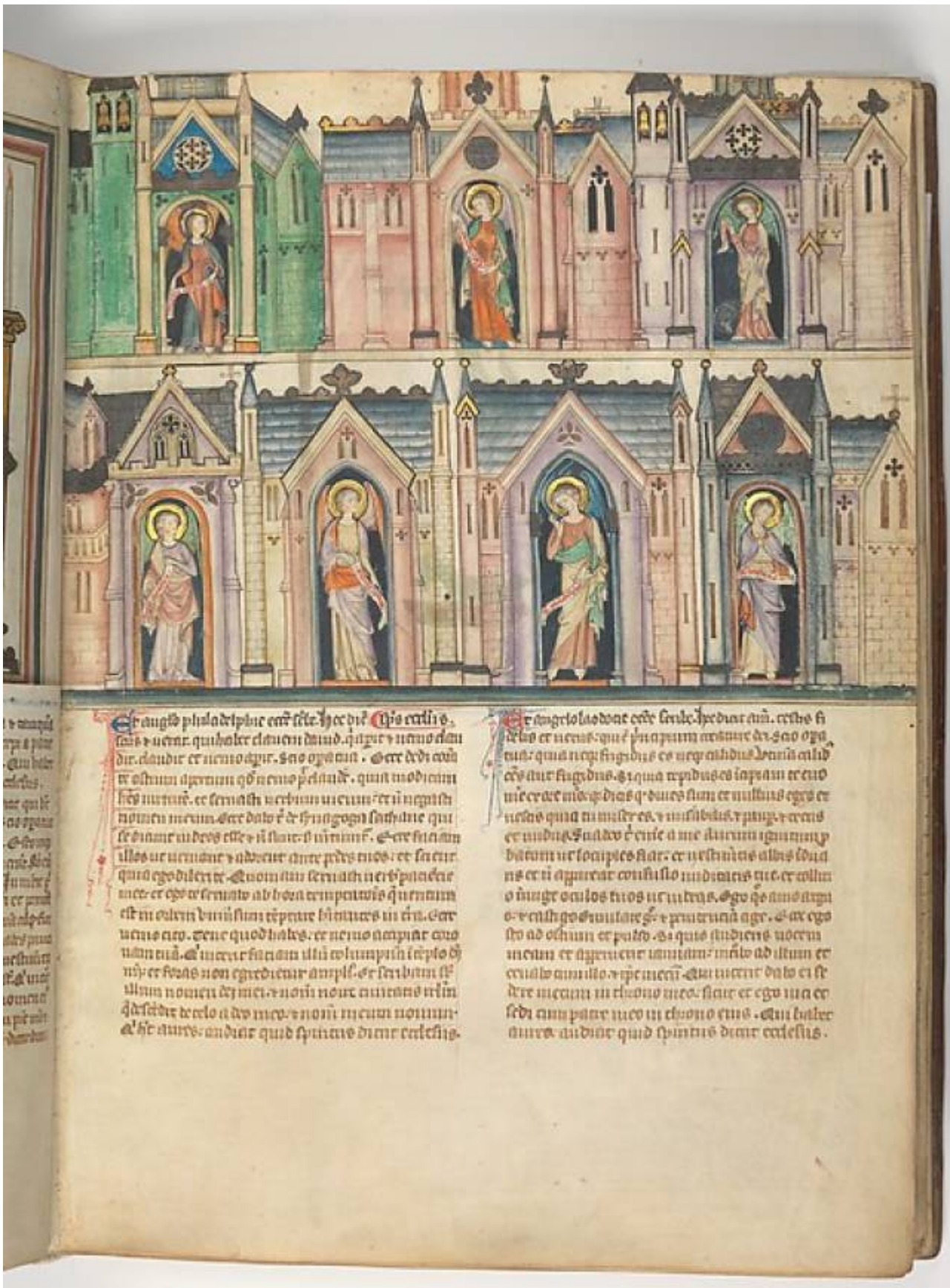


На этот случай требуется установить смысл ключевого слова, ведущего к пониманию рассматриваемого фрагмента. Августин развивает идеи Платона, осмысливая их с другой позиции. Античный философ говорит о том, каким образом слова, как понятия приобретают и меняют свое значение в зависимости от их местонахождения в тексте. В диалогах Платона, Сократ постоянно возвращается к теме поиска знаний. Настаивая на том, что нельзя упускать из поля зрения «надежное и верное основание», установленное в процессе прояснения смысла, которое и ведет человека к пониманию истинного содержания. Сократ пытается установить значение имен из их причины, при этом утверждая, что не может назвать причины хотя бы одной из вещи, заявляя: «Я не решаюсь судить даже

тогда, когда к единице прибавляют единицу, - то ли единица, к которой прибавляли другую, стала двумя, то ли прибавляемая единица и та, к которой прибавляю, вместе становится двумя через прибавление».

Философ говорит: «Если же кто ухватится за сам основание, ты не обращай на это внимания и не торопись с ответом, пока не исследуешь вытекающие из него следствия и не определишь, в лад друг другу они звучат. А когда потребуется оправдать само основание, ты сделаешь это точно таким же образом - положишь в основу другое, лучше в сравнении с первым, как тебе покажется, и так до тех пор, пока не достигнешь удовлетворительного результата. Но ты не станешь валить одну кучу, рассуждая разом и об исходном понятии, и о его следствиях». Здесь Сократ показал один из вариантов сравнения смыслов.

Августин считает метод сопоставления смыслов невозможным без утверждения точного значения слов, которые в Откровении употребляются в разных смыслах при одном и том же написании. Эта проблема представляется ему сложной для разрешения, из-за отсутствия точного истолкования таких слов, имеющих ввиду конкретные предметы или определенные вещи, текст будет неизбежно терять смысл. Он определяет два способа «наблюдения за разнообразием значений» и предлагает их на противоположные и различные. Так, Августин настаивает на том, что «значения противоположны, когда одна и та же вещь по сходству утверждается то как благая, то как злая... Подобным образом змей понимается как благое: «будьте мудры, как змии» (Мф. 10:16), - и как злое: «Змей хитростью своей прельстил Еву» (2 Кор. 11:3)». Вещь с разными смыслами полагает Августин, следует изучать в зависимости от контекста.



Слово у Августина всегда при косвенном участии мышления и чувства, на которых основано понимание. В своей работе «О бессмертии души» он проводит разбор

того, что мы «схватываем мыслью или чувством», и того, что приобретается «разумением», и то и другое доступно человеческому уму, который «заключенное в нас пространством», «а то, что представляется уму, представляется находящимся не где-либо, но в самом же осмысливающем его уме».



В диалоги Платона «Кратил» можно найти описание того, что относится мыслительной сфере познания через установление происхождения имени. Платон обращается к сущности понимания, рассматривая сущности слов, преодолевая субъективизм. Из-за чего рассуждения в диалоге «Кратил» показались интересными Августину, они составляют уникальную картину трактования понятий, связанных с мышлением, где значимый фрагмент бытия -это слово.

Платон досконально исследует слова «мышление» (noesis), «разумение» (phronesis), «понимание» (gnome), «познание» и «мудрость» (sophia), относящиеся к сфере мысли. Мышление (noesis) – усваивание нового. Понимание (gnome) – рассмотрение и понимание возникновения. Разумение (phronesis) - движение, помыслы, течение. «Познание следует за несущимися вещами, не отставая от них и их не опережая...». К сфере мысли у него так же относится имя «сметливость», совпадающее с познанием вещей и, «как может оказаться, означает «умозаключение». Произнося слово «смекнуть», это значение совпадает со словом «познать»: «смекнуть» раскрывает то, что душа сопровождает вещи, а в свою очередь «мудрость» означает «захватить порыв».



Августин был уверен в том, что у платоников возможно найти то что не противоречит христианской вере, высказывая аналогичные суждения. Он хотел создать альтернативное представление о сфере мысли человека. Августин , следуя за Платоном, считал, что понимание и зримость предмета – это неразделимые вещи: « Само же видение есть то разумение, которое появляется в душе,

состоящей из постигающего и того, что постигается; так и применительно к глазам то, что мы называем «видеть», состоит из самого чувства и того, что подлежит чувству, так что, если бы не было чего-либо из двух, видеть нельзя было бы ничего». Слово «рассматривать» он объясняет, как понимание, к которому может прийти любая душа, с ее особенностью приятием вещей и имен.

В данном случае Августин отражает один психологический аспект: тот кто читает в первую очередь будет стремиться найти то, что будет являться лично его интересом, следовательно на то что будет и направленно его понимание. В следствии чего он засвидетельствовал то, что нельзя принимать в расчет присущей людям особенности получения знаний о предметах благодаря собственному взгляду на вещи, помимо слов, с помощью чего и познает значение того или иного имени.

Августин предположил, что в ситуации с разговором, в котором есть слушающий и говорящий и в беседе человека с Богом, проблема с пониманием имеет совершенно иное значение.

Собственная трактовка и понимание вероучений для церковных деятелей всегда воспринималось, как отступление от христианства, порождавшим ересь. Августин же в свою очередь полагает, что это не основание для заблуждений и угрозы сознания верующих. Он доказывает в сочинении «Против академиков», что тщательное исследование божественных и человеческих вещей, помимо самого открытия, делает человека блаженным, по этому путь ведущий к истине он называет мудростью, движения которого представляет собой процесс, который связан с этическими аспектами, состоящий из множества уровней. Таких как благочестие, страх, знание, оснащенное любовью, сила, совет милосердия, чистота сердца, мудрость.

или образов, и стилистические приемы, в которых целое именуется вместо отдельной части или общее вместо частного. Августин пытается доказать, что точные формулировки невозможны в определении божественных вещей, установлении непреложного соответствия земного с небесным планом бытия. Он признает невозможность безусловного понимания истин, не поддающихся точным истолкованиям. Осуществить сравнение смыслов в полной мере можно лишь прибегая к использованию примеров, исключая двусмысленность.



Так же Августин пытается сформулировать идею понимания, которая основывается на философии имени, в свою очередь складывающуюся из анализа риторической структуры – аллегорий, троп, метафор и грамматических соотношений. Сама теория собирается из важнейших понятий философии – «мудрость», «символ», «знак», «истина». Он создает совокупность принципов и идей, структурирующий

практический опыт проповедника и обобщающий особенности мышления, по тому что все произведения возвращают человека к проблеме понимания.



Главный инструмент познания Августина это знак. Проанализировав его труды можно найти и другие структурные составляющие его концепции, приводящие к осмыслению любой идеи, в последствии чего человек встает на путь истины, мудрости. Августин разделяет понятия смысла и значения, которое в свою очередь подразделяет на различные и противоположные.

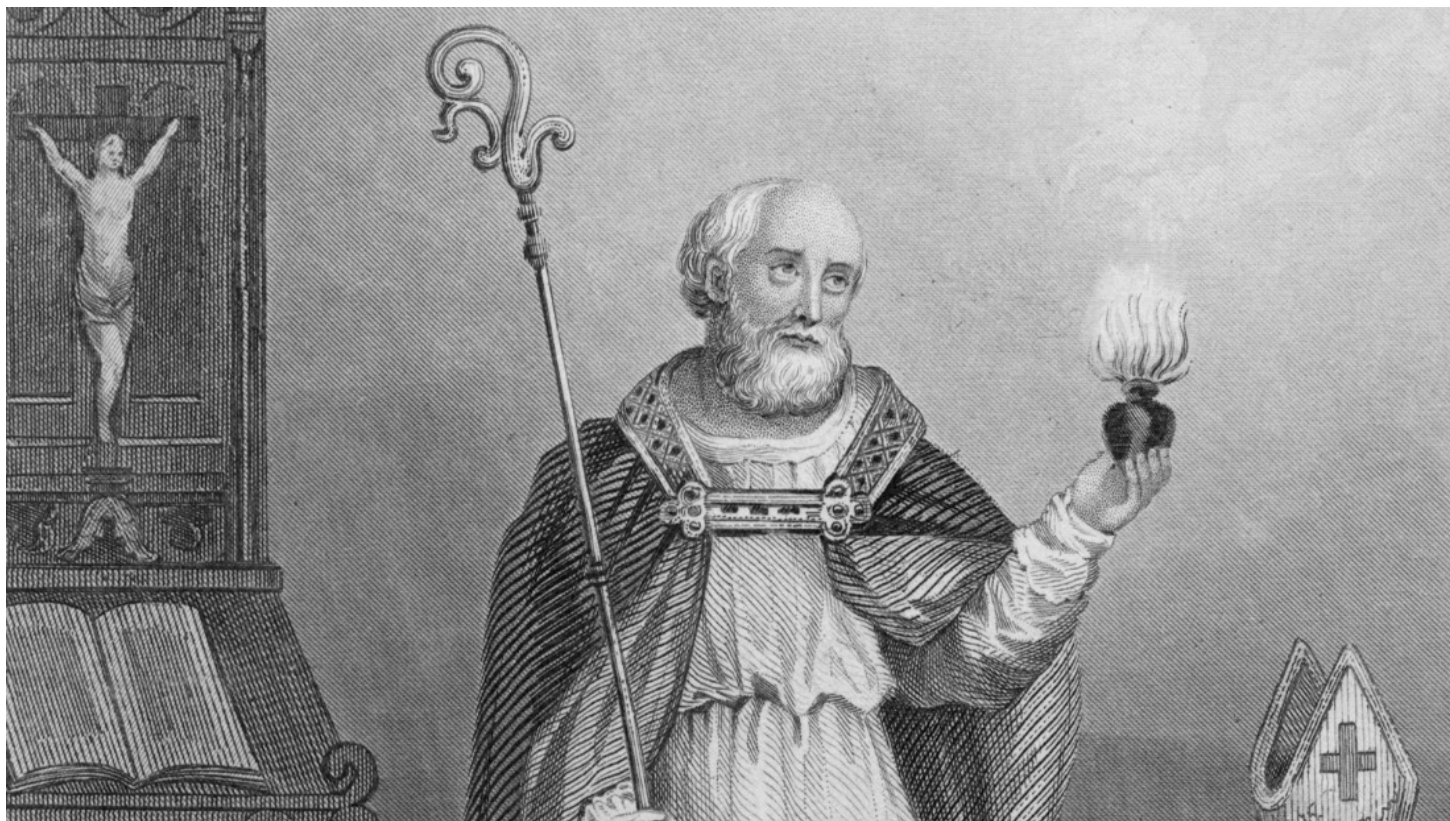
Августин считает невозможным осуществить процесс понимания без обращения к языку подлинника. Что особенно важно при неясном значении слов или отсутствии перевода в языке, при этом язык источника помогает в понимании двусмысленных знаков.

В теории Августина так же имеется обращения к диалектике, которая должна приблизить человека к истине. Он утверждает, что без применения диалектики не возможно сравнение смыслов, та как она освобождает речь от софизмов.

Августин так же считает необходимым «знание вещей», помимо других наук, теологии и заимствований у платоников. Его понимание строится на искусстве риторики. Этой задаче подчинено повседневное существование и поведение, так как в христианском понимании мира от нравственно-этической оценки не может

быть обособлена ни одна сфера бытия. Риторика помогает связать разнородные мысли в одну идею.

Августин полагает, что постигнуть что-либо вне формы невозможно, так как это может привести к непонимающему знанию. Из чего следует, что понять смысл слова можно лишь через знак, именуемым «звуковым символом». Имя – слово – знак – образуют триаду, концепцию символизма лингвистики Августина, а имя – слово это диалектически взаимосвязанные отношения. При помощи разделения значений на противоположные и различные, производится соотнесение слова и смысла. Знаки в свою очередь делит на «знаки естественные» и «условные данные». «Знак» у Августина включает в себя имя, слово и знамение.



Августин использует объяснение метафорического смысла библейских высказываний наряду с аллегорическим приемом истолкования Откровения. Благодаря чему риторическое искусство оказывается основой его учения о символе, основанное на диалектике, дающей возможности для объяснения божественного бытия и обращающей человека к истине. А возникающие неясности проясняются с помощью знака.

Заключение

Вместе с аллегорическим методом объяснения текста Откровения Августин прибегает к интерпретации метафорического смысла библейских высказываний. Вследствие чего ядром его учения о символе оказывается риторическое искусство, основанное на диалектике, выражающей возможности для объяснения божественного и обращающей человека к истине. Возникающие неясности и их причины необходимо прояснять при помощи знака. В результате работы Августина риторика и грамматика оказывается в сфере теологии.

В рамках концепции лингвистического символизма Августин констатирует проблему понимания, которая базируется на исследовании знаков. Здесь же Августин формирует и собственный метод установления истины, основанный на сравнении смыслов, таким образом, он стремится создать универсальный язык постижения текста.

Августин говорит о том, что сосредоточенность на собственной внутренней жизни побуждает читающего искать в словах то, что представляет для него личный смысл, и каждый человек обладает индивидуальными возможностями восприятия. Он наблюдает связь между мыслительными процессами и горизонтом интересов человека. На основании этого Августин допускает как предпосылку множественность смыслов и выражения, но не двойственность истины, как отмечают некоторые исследователи, поскольку он ясно говорит о том, что истина может открываться человеку по-разному, сообразно с его особенностями восприятия.



Завершая анализ лингвистических концепций Августина, отмечу, что своими трудами философ создал основу влиятельного направления средневековой философии, именуемого августицизмом, христианским платонизмом. Которая занимала господствующие позиции на протяжении V-XI столетий ультрареалистическая гносеология тяготела к тому, что бы сводить человеческий способ познания и коммуникации к ангельскому. В последнем они видели эталон, утраченный человеком в грехопадении. Напротив, чувственно-вербальное общение, единственно привычное для смертных, христианские платоники считали в заключительной мере вынужденным и дефектным. С их точки зрения, люди могли – более того, должны были – постигать и общаться без всякого посредства чувственных знаков, если бы сумели сохранить свое изначальное ангелоподобное состояние, лишённое зависимости от грубой, оупляющей материи. По этому исследователи Августина не признавали за языком существенной гнесеологической ценности. Они также отрицали сколько-нибудь серьёзную роль языка в бытии. На их взгляд, она ограничивалась исключительно сферой социального взаимодействия, за пределами которой человеческое слово не могло иметь никакого влияния. Созидая и выражая в своих трактатах символическую картину мира, средневековые платоники-реалисты утверждали, что сотворенные

вещи, как символы мира невидимого, способны сами, без посредства языка и других человеческих знаков, являть уму собственные интеллигибельные основания.

Список источников

1. Блаженный Августин. О порядке. Творения (том первый). Об истинной религии. 2-е изд. СПб.: Издательство «АЛЕТЕЙЯ»; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. С. 114—182.
2. Блаженный Августин Иппонский. О Символе веры // Альфа и Омега. 2002. № 3 (33). С. 48—69.
3. Блаженный Августин. О книге Бытия // Творения (том второй). Теологические трактаты. СПб.: Издательство «АЛЕТЕЙЯ»; Киев: УЦИММ-Пресс. 1998. С. 316—673.
4. Августин Аврелий. Исповедь: Блез Паскаль. Письма к провинциалу. Симферополь: «Реноме», 1998. 416 с.
5. Аврелий Августин. О свободе воли // Антология средневековой мысли: Теология и философия европейского Средневековья: в 2 т. / под. ред. С. Неретиной; сост. С. Неретиной, Л. Бурлака. СПб.: РХГИ; Амфора, 2008. С. 25—65.
6. Блаженный Августин. Об истинной религии. Творения (том первый) / Об истинной религии. 2-е изд. СПб.: Издательство «АЛЕТЕЙЯ»; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. С. 394—468.
7. Платон. Федон. Кратил. Диалоги / пер. с древнегреч.; примеч. Л. Сумм. М.: Эксмо, 2009. 640 с. (Зарубежная классика).
8. Аврелий Августин. О христианском учении // Антология средневековой мысли: Тео-

логия и философия европейского Средневековья: в 2 т. / под. ред. С. Неретиной; сост.

С. Неретиной, Л. Бурлака]. СПб.: РХГИ; Амфора, 2008. С. 66—112.

9. Блаженный Августин. О бессмертии души. Творения. Т. 1. Об истинной религии. СПб.:

Издательство «Алетейя» и К.: УЦИММ-Пресс. 1998. С. 373—468.

10. Блаженный Августин. Об учителе. Творения (том первый) / Об истинной религии.

2-е изд. СПб.: Издательство «АЛЕТЕЙЯ»; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. С. 264—312.